

— С К В О З Ъ В Р Е М Я —

РЕКА И КАМЕНЬ

Сергей Диковинный

Сергей Диковинный

**Сквозь время. Река и
камень (Древний Восток)**

«Автор»

2026

Диковинный С. В.

Сквозь время. Река и камень (Древний Восток) /
С. В. Диковинный — «Автор», 2026

"Река и камень". Вторая новелла цикла «Сквозь время» - образовательного проекта исторических новелл для школьников. Шесть глав, три героя, один мальчик. И две великие реки, с которых началась писанная история человечества. Витька — обычный пятиклассник. Двор, река за гаражами, велосипед, лето. На левой руке — металлический браслет с квадратами. Каждый раз, когда он понимает что-то важное, один квадрат загорается зелёным. В первой новелле он прошёл путь от костра до колеса. Во второй — отправляется туда, где впервые появились город, письмо, счёт и власть. Древний Египет и Междуречье — цивилизации, которые научили человека планировать. Разлив Нила — это календарь. Мешок зерна — это число. Кирпич с печатью — это имя. Всё впервые. Всё — на живом примере: дети смотрят, трогают, ошибаются, понимают. Для детей 10–13 лет. И для взрослых, которым интересно, как цивилизация из «мы выжили» превратилась в «мы умеем жить вместе долго».

© Диковинный С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 12. Нил	5
Глава 12. Камень	9
Глава 13. Знаки	13
Глава 14. Око за око	17
Глава 15. Две реки	22
Глава 16. Одиннадцать	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Сергей Диковинный

Сквозь время. Река и камень (Древний Восток)

Глава 12. Нил

Жара ударила сразу.

Не как в деревне, где солнце греет ласково, а потом всё равно прячется в тень яблони. Здесь солнце било отвесно — с неба, с песка, с белого неба над белым песком. Витька стоял на горячем камне и не сразу понял, где он.

Пустыня.

Куда ни глянь — песок. Барханы, как волны, только остановившиеся. Рыжие, золотые, красные тени между ними. Ни травинки. Ни дерева. Ни звука.

Витька повернулся на месте. Песок, песок и песок. Браслет на левой руке чуть потеплел — семь квадратов, семь зелёных огоньков. Один — новый. Значит, он опять здесь. Где-то.

Он не понимал, что это за место. Не было ни реки, ни леса, ни деревни. Был только он, камень под ногами и море раскалённого песка.

А потом он увидел.

Далеко-далеко, у самого края неба, где песок встречается с воздухом, — узкая зелёная полоса.

Тонкая. Тоньше волоска. Но живая.

Витька замер. Он смотрел на эту полоску, как будто никогда в жизни не видел зелёного. Потому что рядом с ней всё остальное было — мёртвым.

Он пошёл к ней. Просто пошёл — другого пути всё равно не было.

Идти по песку тяжело. Ноги вязли, кроссовки набирали горячий песок, солнце жгло затылок. Витька шёл, шёл, шёл. Полоса приближалась медленно, будто кто-то очень ленивый рисовал её на горизонте.

Через час — а может, через два, здесь время шло по-другому — он услышал запах.

Вода.

Не река. Не дождь. Просто вода — тёплая, стоячая, живая. Так пахнет только то, что долго ждали.

Он подошёл ближе и остановился.

Перед ним лежала **река**.

Широкая. Медленная. Мутная, как разведённая глина. Она текла спокойно и уверенно, будто знала себе цену. По её берегам рос тростник в три человеческих роста, качались пальмы, стояли простые дома из глины. Между домами ходили люди.

Первый раз за всё путешествие Витька увидел **много людей сразу**.

Женщины несли на головах кувшины. Мужчины толкали небольшие лодки. Кто-то вёл к воде козу. Дети бегали по берегу, босые, загорелые до черноты, с коротко стриженными волосами.

А вода всё прибывала.

Витька присел на песчаный бугор и стал смотреть.

Река выходила из берегов. Медленно, спокойно, как будто делала это каждый год — и никуда не спешила. Вода заливала поля, которые лежали прямо у берега, покрывала землю тонким слоем, будто заботливая рука укрывала ребёнка одеялом.

Витька не понимал, что происходит. Почему все радуются, когда река затапливает их поля?

Он посидел ещё немного и всё понял.

Земля вокруг — песок. Мёртвый, сухой. А поля — прямо у реки, и река **сама их полила**. Не дождь. Не человек с ведром. Река.

Он смотрел и не мог оторвать глаз.

А потом до него дошло главное. Это не река рядом с Египтом. Это Египет рядом с рекой.

Он вдруг увидел всё сразу — как будто поднялся над землёй и посмотрел сверху. Узкая зелёная полоса вдоль воды. Пальмы, поля, дома, лодки. А в обе стороны — песок. На сотни километров. На тысячи.

Вот эта полоса. Вот **всё**. Больше ничего.

Он вспомнил свою деревню. Как там всё зелёное. Как там растёт трава, где ни посади. Как легко там жить.

А здесь — нет. Здесь — надо **держаться за воду**. Как за руку. Как за жизнь.

Мальчик на берегу, египетский, в короткой льняной юбочке, увидел Витьку и подошёл. Не испугался — удивился. Ничего не сказал, только посмотрел на его странную светлую футболку, на шорты, на кроссовки. Потом молча показал пальцем на воду.

Витька посмотрел.

Вода заливала новый участок. Ещё вчера это была сухая земля. Теперь по ней ходила вода. Скоро, знал Витька, она уйдёт, оставив после себя влажный, тёмный, жирный слой.

Земля станет плодородной. Потом придёт урожай. Потом — хлеб.

От этого — всё.

Мальчик показал рукой вдоль реки. Далёко-далёко. Куда-то вверх, туда, откуда шла вода. Он не знал, что там. И Витька не знал. Только **догадывался**: где-то у истоков начинается всё.

Витька встал и пошёл вдоль берега. Медленно, не спеша. Он смотрел на воду, на поля, на людей, на дома, на пальмы. И понимал, что видит самое главное чудо этих мест.

Не пирамиды. Не храмы. Не статуи.

Воду.

Потому что без воды — ничего бы здесь не было. Только песок. Красный, рыжий, золотой, мёртвый песок на тысячи километров.

Он шёл, и в голове у него складывались слова. Простые, ясные.

Река — это и есть страна. Без реки нет ничего. Есть река — есть всё.

Он не знал, как объяснить это друзьям. Он вообще пока не знал, как объяснить, где был. Но понимал: то, что он сейчас увидел, — важнее всего, что он видел раньше.

Он опустил руку и посмотрел на браслет.

Шесть зелёных квадратов горели, как всегда. Седьмой — новый, тот самый, что появился в самом начале этой сцены, — горел чуть ярче.

А потом свет померк.

Витька открыл глаза и увидел знакомый потолок — бабушкину деревянную крышу со скошенным краем. За окошком была ночь. Где-то далеко, на реке, кричала птица.

Он полежал немного, глядя в тёмный потолок. Затем сел на кровати.

«Записывать, — подумал он. — Немедленно записывать».

Он взял со стола тетрадку и ручку, зажёл настольную лампу и открыл новую страницу. Наверху — уже привычно — написал число и короткое слово:

«Нил».

И стал писать. Быстро, сбивчиво, как будто боялся забыть.

Египет — это река. Вокруг песок. Всюду песок. А в середине — река. Узкая полоса зелёного. Там живут люди. Там растёт хлеб. Без реки — ничего. Ни города, ни людей, ни домов.

Река сама поливает поля. Не дождь. Сама. Разливается каждый год, потом уходит. Земля после неё — жирная, чёрная, мягкая. На ней всё растёт. На песке — ничего.

Он задумался. Потом добавил:

Египет — это подарок реки. Люди ничего не делают. Природа всё дала. Людям осталось только жить.

Подумал ещё. Зачеркнул.

Не только жить. Надо ещё удержать. Чтобы вода не ушла, надо её сохранить. Чтобы вода пришла — надо знать, когда. Это уже работа.

Он отложил ручку и посмотрел на руку. Семь квадратов. Семь мест, где он был. Кроме семи мест — семь очень важных знаний.

Он встал, подошёл к окошку и открыл его.

Летняя ночь пахла рекой. Его рекой. Той самой, деревенской. Но теперь Витька смотрел на неё и думал о другом.

Он думал: река — это то, с чего всё начинается. Люди всегда селились у воды. Не в лесу, не в степи, не в горах. У воды. Там, где растёт, там, где пьётся, там, где можно уплыть.

Значит, история — это история рек?

Он ещё постоял у окна. Потом закрыл его, лёг и заснул.

Завтра надо было записать всё это по-настоящему. По-взрослому.

Но это — завтра.

Глава 12. Камень

Разбудил его шум.

Не птицы. Не река. Не бабушкины шаги на кухне.

Голоса. Много. Сотни. Тысячи.

Витька открыл глаза — и зажмурился. Солнце стояло прямо над головой, белое, злое. Вокруг него было **небо** — но какое-то другое, низкое, будто покрытое тонкой серой пылью. Он лежал на горячем плоском камне.

А впереди, во все стороны, куда хватало взгляда, **двигались люди.**

Он сел.

Перед ним была **стройка.**

Не дом. Не деревня. Не улица. **Стройка.** Что-то огромное, растущее вверх, к небу.

Витька смотрел и не сразу понял, что видит. Прямо от его ног вверх шла широкая тропа — не земляная, а из деревянных брёвен и камня. По ней медленно, шаг за шагом, люди тащили огромные каменные блоки. Блоки были выше человека и шире двойной телеги.

Он встал.

Люди шли и слева, и справа, и впереди, и сзади. Кто-то тащил камни. Кто-то нёс воду в кожаных мешках. Кто-то волок корзины с песком. Кто-то сновал между рядами с деревянными палочками, что-то говорил, показывал руками.

Никаких плёток. Никаких криков. Никаких цепей.

Просто работа. Очень много работы. Очень много людей. **Очень согласованно.**

Витька сделал несколько шагов вперёд и чуть не упал: ноги вязли в пыли, а воздух был горячий и сухой, будто набитый песком. Он ухватился за деревянную балку и огляделся.

Стройка была **огромная**. Люди стояли ярусами, как на деревенских лесах, когда осенью все чинят крыши. Только этих ярусов было не два и не три, а много, и они уходили вверх, в дрожащее от жара небо. В самом верху угадывались ступени. Пока ещё не пирамида. Пока ещё только **её будущий скелет**.

Витька вспомнил картинку из книжки. Пирамиду. Четыре тысячи лет назад. Египтяне. И в книжке были нарисованы надсмотрщики с плётками, измученные люди, цепи.

Он стоял и смотрел на настоящую стройку — и не видел ничего похожего.

Он видел **крестьян**.

Он видел **работу**.

Рядом с ним пожилой мужчина поставил на землю корзину и вытер лоб. Витька не понял ни слова — но по лицу, по короткому вздоху, по тому, как тот взялся за поясницу, всё было ясно. Устал. Но не злой. Не запуганный. Так устают люди, которые **сами взялись за большое дело**.

Кто-то крикнул. Витька оглянулся. Ряд людей — десятка три — взялся за длинные канаты. Канаты тянулись к каменному блоку, лежащему на деревянных салазках. Люди натянули. Блок дрогнул. Чуть-чуть сдвинулся вперёд.

Ещё рывок. Ещё чуть-чуть.

Витька смотрел, как будто это был фокус. Такую махину двигают **верёвками и руками**. Никаких машин, никаких механизмов.

Он сделал шаг вперёд. Потом ещё. Потом ещё.

Потом сам не заметил, как оказался рядом с ними.

Он не думал. Просто рядом с его плечом был свободный канат, и свободного человека не было, и он **просто взял его в руки**.

И потянул.

Канат был жёсткий, тёплый, впившийся в ладони, как верёвка на сенокосе у бабушки. Витька упёрся ногами в песок. Песок осыпался. Он всё равно тянул.

Рядом с ним пытел мальчишка — чуть младше его самого, египетский, коротко стриженный, в одной льняной юбочке, загорелый до черноты. Он не удивился Витьке. Только бросил быстрый взгляд на его светлую футболку и шорты — и снова налег на канат.

Кто-то крикнул. Ещё раз. Ещё.

Камень дрогнул. Пошёл. Сначала на палец. Потом на ладонь. Потом на полшага. Люди натянули канаты, ноги их вжались в песок, салазки заскрипели — и камень двинулся вверх по наклонной тропе.

Витька тянул со всеми.

Руки горели. Плечи — как будто их отбили камнем. Дыхание — короткое, пыльное. Но камень шёл.

И вместе с камнем шло что-то другое. Что-то, что было **важнее камня**.

Витька не мог этого сразу назвать. Он просто тянул и чувствовал. Чувствовал **спину рядом со своей**. Чувствовал **ритм**, который шёл по всему ряду, снизу вверх, как волна на реке. Кто-то натянул — и все натянули. Кто-то выдохнул — и все выдохнули. Это был **один большой человек**. Один на сотни тел.

Вот **это** было главное. Не камень. **Согласие**.

Он не знал слова «государство». Он вообще ещё не думал про государство. Он просто почувствовал: **тысячи людей могут делать одно — если они делают это вместе.** И если кто-то умеет **это устроить** — так, чтобы все поняли, куда и когда тянуть, — то получится то, что по отдельности невозможно. Никогда. Ни за сто лет. Ни за тысячу.

Они дотащили камень до верха первой ступени. Один из старших поднял руку. Канаты ослабли. Люди выпрямились.

Витька выпрямился тоже — и задохнулся.

Он стоял высоко над землёй. Сразу под ногами был ярус, под ним — ещё ярус, ещё, ещё. А за ними — **пустыня.** Та самая, жёлтая и мёртвая. И у самого её края, там, где полоска зелени, тоненькая, будто нитка, — **река.**

Река. Та самая, из-за которой здесь всё это есть. Из-за которой есть **хлеб**, чтобы кормить тысячи рабочих. Из-за которой есть **время**, чтобы строить такую машину. Потому что летом, когда Нил разливается, крестьяне **не работают в поле** — они идут строить.

Витька стоял и смотрел на реку, тонкую, как волосок, и на стройку, огромную, как небо. И в голове у него сложилось.

Это всё — одно. Река кормит. Крестьяне в свободный сезон приходят. Строят. Получают еду. Оставляют после себя то, что простоит тысячи лет. И снова уходят на поля.

Никто никого не гонит. Просто всё **сходятся** — река, разлив, свободные руки, общая цель. Одно цепляется за другое. И получается **пирамида.**

Не от злобы. **От порядка.**

Когда вечером жара чуть спала, людей отпустили.

Витька сидел на плоском камне в стороне от лагеря. Руки дрожали от усталости. Спина горела. Кроссовки были полны песка. Он смотрел, как рабочие уходят вдоль берега, домой, к своим деревням, где их ждут поля и семьи.

Он поднял руку.

На левой — браслет. **Восемь** зелёных квадратов. Один — новый, самый свежий, светится чуть ярче остальных. Восьмой.

Он подумал: **«Семь — это река. Восемь — это камень».**

И в этот момент свет померк.

Дома была ночь.

Он открыл глаза в своей кровати, в бабушкиной избе. За окном шумела река — та самая, деревенская, глупая и простая, которая просто течёт себе и ничего не значит. Или значит? Он больше не был уверен.

Витька встал. Сел за стол. Взял тетрадку, ручку, зажёл лампу. Наверху новой страницы — уже привычно — написал:

«Пирамида».

И стал писать.

Никаких надсмотрщиков с плётками. Никаких рабов в цепях. Просто крестьяне. Разлив — они свободны от полей. Идут строить. Получают еду. Работают вместе. Так и вырастает пирамида.

Один человек не может построить пирамиду. Сто человек — не могут. Тысяча — не могут. А десять тысяч — могут. Если они делают одно и то же одновременно.

Значит, главное — не сила. Главное — согласие. Кто-то должен придумать, как сказать всем: «тyani сейчас, отпускай сейчас». И все должны услышать.

Это и есть власть? Не когда бьют, а когда слышат?

Не знаю. Но кажется, что так.

Он подумал и добавил:

Пирамида — это не про рабство. Это про порядок.

Потом отложил ручку и посмотрел на браслет. Восемь квадратов. Восемь мест. Восемь уроков.

Он вспомнил, как тянул камень. Как горели ладони. Как рядом пытел незнакомый египетский мальчик.

Как камень **пошёл**.

Он улыбнулся сам себе. И лёг спать.

Завтра надо было что-то придумать про **слова**, не про камни. Он ещё не знал, что именно. Но чувствовал: следующее открытие — не про руки. Про что-то другое.

Про буквы, может быть.

Он закрыл глаза.

Глава 13. Знаки

На этот раз он оказался **внутри**.

Не на улице. Не на площади. Не на берегу. Внутри **дома**.

Тихого. Прохладного. С полумраком, пахнущим сухой травой и маслом. И с полом, покрытым циновками.

Витька стоял у входа и не сразу понял, куда попал. За спиной у него был свет — яркий, резкий, полуденный. А впереди — полутьма. Тени колонн падали на пол ровными полосами. Где-то далеко, в глубине, был виден кусочек двора и пальма.

Он сделал шаг.

Никто на него не обернулся. Он вообще был как будто **не здесь** — настолько его не замечали. Только один человек — мальчик лет девяти — поднял на секунду глаза. Увидел светлую футболку. Удивился, но не сказал ничего. И снова вернулся к своему делу.

А дело было **очень простое** и очень странное.

Он **писал**.

Витька не сразу понял, что это школа. Он вообще не думал, что «школы» бывают такими. Ни парт, ни досок, ни звончков. Просто веранда, открытая с одной стороны, с колоннами,

увитыми сухим тростниковым навесом. Под навесом — прохладно. На полу — циновки. На циновках — дети.

Они сидели на коленях, склонив головы. У каждого — небольшой дощатый столик. На столике — **папирус**. Рядом — длинная тонкая палочка и два маленьких горшочка: один — с чёрной краской, другой — с красной.

Старший — пожилой человек с выбритой головой, в белой льняной повязке — медленно ходил между ними. У него в руках тоже был папирус. Он останавливался, наклонялся, брал палочку из рук ученика и **сам рисовал знак**. Потом отдавал палочку назад. И шёл к следующему.

Ученик смотрел. Потом повторял.

Мальчик рядом с Витькой — тот самый, что поднял глаза, — нарисовал знак, посмотрел на него, нахмурился и **стёр ладонью**. Начал заново.

Витька подошёл ближе. Заглянул через плечо.

И замер.

Он никогда не видел, чтобы **обычные линии** были такими красивыми.

Знак, который рисовал мальчик, не был буквой. Не был цифрой. Это была **маленькая картинка**. Птица. Или змея. Или жук. Или просто **что-то**, что одновременно и знак, и рисунок. И, судя по тому, как старший рисовал рядом ещё три таких же, — каждое из этих «что-то» **значило слово**.

Слово было **нарисовано**.

Витька стоял и смотрел, как ученик снова выводит знак. Затаив дыхание. Он понял, что видит **чудо**, только пока не мог его назвать.

Он смотрел на папирус, на палочку, на маленький горшочек с чёрной краской. И думал: **это же буква. Ну, почти буква. Если я сейчас возьму палочку, я тоже смогу написать слово. Прямо здесь. Прямо сейчас.**

От этой мысли что-то в груди сжалось.

Старший присел рядом с мальчиком. Сказал что-то тихо. Взял его палочку. И **нарисовал** на чистом листе — сам. Медленно. Витька смотрел — заворожённо.

Он не понимал ни слова. Но он **видел**, как рождается **знак**.

Сначала — короткая горизонтальная линия. Потом — вертикальная, чуть вниз. Потом — маленький изгиб. Потом — точка рядом. Всё — быстрые, точные движения, как у плотника, который одним движением топора обтёсывает доску.

И вот на папирусе был **знак**. Не картинка. Просто — уже знак.

Старший помолчал и сказал что-то. Мальчик кивнул. Взял палочку и повторил. У него вышло криво.

Старший не ругал. Он просто **взял папирус в руки и стёр знак ладонью**. И отдал чистый.

Мальчик начал заново.

Витька отошёл к колонне. Присел на пол. Обнял колени руками. И стал думать.

Он думал про **слова**.

Он родился в мире, где слова **езде**. В книжках, в газетах, на заборах, на конфетах, на дорожных знаках. Он умел читать с шести лет и уже не помнил, как это — не уметь. Слово для него было чем-то **обычным**, как хлеб. Как вода. Как воздух.

А здесь... Здесь слов **не было**. Здесь не было ни книг, ни газет, ни вывесок. Здесь **никто**вокруг не умел читать. Кроме нескольких человек.

И эти несколько человек — вот эти, с палочками, в тени колонн, — они **владели всем**.

Потому что они умели то, что не умели другие. **Записывать**.

Витька снова посмотрел на мальчиков, склонившихся над папирусами. На старого писца. На горшочки с краской. На чистые листы, которые ещё ничего не значили и могли значить **всё**.

Он понял.

Тот, кто умеет писать, — **помнит**то, чего уже нет. Тот, кто умеет писать, — **говорит**с теми, кого ещё нет. Тот, кто умеет писать, — **приказывает**, не вставая с места.

Потому что его приказ можно **отнести**. Можно **прочесть**. И — самое главное — можно **проверить**, что его исполнили. Слово, сказанное вслух, исчезает. Слово, написанное на папирусе, **остаётся**.

И тот, у кого оно остаётся, — **сильнее**того, у кого его нет.

Это не про силу рук. Это **про власть слов**.

Витька встал. Он больше не мог сидеть.

Он подошёл к свободному месту. Оглянулся — никто не смотрел. Он сел на колени. Взял чистый лист папируса. Взял палочку. Взял горшочек с чёрной краской.

Попробовал нарисовать **свою**букву.

Первую, что пришла в голову. «**А**».

Палочка была жёсткая, непривычная. Она не оставляла линию, как его ручка дома. Она **чертила**. Краска ложилась неровно. «А» получилась кривой, кособокой, с двумя палочками разной длины и перекладиной, съехавшей вниз.

Витька посмотрел на неё и тихо засмеялся. Так смеются, когда очень старались, а вышло плохо.

Рядом кто-то присел.

Он поднял глаза — маленький мальчик-ученик, тот самый, с которым они сидели рядом. Мальчик посмотрел на его «А». Потом — на него. Потом — на его светлую футболку и браслет. Не испугался. Просто **удивился**. И пальцем показал на лист — **нарисовал рядом свой знак**. Потом ещё один. И ещё.

Витька понял: он **показывает**, как надо. Как правильно. Как **они**делают.

И он повторил.

Мальчик кивнул. Взял палочку и нарисовал ещё. Витька снова повторил. И снова. И снова.

И с каждым знаком у него **получалось чуть лучше**. Не потому, что он научился. А потому, что он **повторял вместе с кем-то**. Как камень тянул вместе с кем-то. **Один**ты никогда не научишься. **С двумя**— уже можно.

Он вдруг понял: так же строится всё. Камень — руками вместе. Слово — тоже вместе. Кто-то один **знает**, а другой **повторяет**, и знание **переходит**.

Вот для чего **письмо**. Чтобы **знание**могло переходить **без человека**. От одного — к другому. От одного века — к следующему. Через головы. Через смерть. Через время.

Он снова посмотрел на свою «А». Она всё ещё была кривая. Но **теперь**она была **его**.

К вечеру свет в комнате стал мягким, оранжевым. Писец хлопнул в ладони. Ученики встали, поклонились, начали убирать папирусы.

Витька тоже встал. Посмотрел на браслет.

На левой руке — **девять**зелёных квадратов.

Он подумал: «**Один — огонь. Два — община. Три — память. Четыре — взгляд. Пять — благодарность. Шесть — рисунок. Семь — река. Восемь — камень. Девять — знак**».

Он сам не заметил, как начал считать их **словами**. Не просто огоньки на браслете. **Каждый — урок**.

Последний, девятый, светился мягко, привычно. Как свет в окне дома.

Свет померк.

Дома была ночь.

Витька открыл глаза. Сел. Подошёл к столу. Зажёг лампу. Взял тетрадку. Открыл новую страницу.

Сверху — уже привычно — написал:

«Знаки».

И стал писать.

Сегодня я был в школе писцов. Мальчики рисуют слова. Палочкой по папирусу. Чёрной и красной краской. Учат знак за знаком. Пока не запомнят.

Писцов мало. Всех других — много. И все, кто не умеет, зависят от тех, кто умеет.

Потому что писать — это уметь разговаривать с теми, кого нет рядом. С теми, кто в другом городе. С теми, кто ещё не родился.

Сказанное слово — исчезает. Написанное слово — остаётся. Кто умеет оставлять слова — тот управляет временем.

Значит, письмо — это власть. Тихое. Спокойное. Но самое сильное.

Он задумался. Зачеркнул последнюю строчку. Написал заново.

Самое сильное — потому что оно не бьёт. Оно просто говорит. А его — слушают. Через сто лет. Через тысячу. Через четыре тысячи.

Он посмотрел на ручку, которой только что писал. Обычная шариковая ручка, синий колпачок.

И вдруг подумал: **«Я ведь тоже пишу. Прямо сейчас. Я делаю то же самое, что делали они. Просто проще».**

Он улыбнулся. Аккуратно закрыл тетрадку. Убрал ручку в пенал.

Посмотрел на браслет — девять зелёных квадратов ровно светились в полутьме комнаты.

Он лёг спать. И засыпал с очень простой мыслью:

«Значит, я тоже немножко писец».

Глава 14. Око за око

На этот раз сразу стало ясно: **другой мир**.

Не Египет. Не пустыня. Не река. Всё другое.

Витька стоял у края улицы и уже понимал: он в **городе**.

Но не в том городе, которые он видел раньше. Египет был вдоль реки — узкий, тянувшийся, как нитка. Здесь город стоял **сам по себе**, во все стороны. Плотный, тесный, шумный.

Улица была неширокая. По обе стороны — дома из глины. Невысокие, в один этаж, без крыш-шатров, без наличников. Просто стены. Глиняные, коричневые, тёплые — как будто их вылепили руками и оставили сохнуть на солнце навсегда.

И тут же, между домами, было **всё**: куры, козы, дети, гончары за работой, женщины с корзинами, торговец с ослом.

Витька не сразу понял, где он. Но по запаху — по влажной, чуть сладкой глине, которая **повсюду**здесь — догадался: **Междуречье**.

Он не ошибся.

Он шёл по улице и смотрел.

Каждый дом был **немного мастерской**. У одного на пороге стояли свежие горшки — ещё не обожжённые, мягкие, тёмные. У другого — сушились на солнце плоские лепёшки из того же материала, только ровные и гладкие. У третьего — лежала целая куча **исписанных табличек**.

Витька остановился.

Таблички. Плоские, размером с ладонь, из той же глины, что и дома. И **исписанные**. Те же знаки, что он видел в Египте — но другие. Не картинки. Не птицы. Не змеи. Просто **палочки**. Много коротких палочек, клинышков, чёрточек, собранных в ряды.

Он подошёл ближе.

На табличке, которая лежала сверху, было **много-много** этих палочек. Ровные ряды. Чуть-чуть неровные с краю. Свежая глина ещё блестела в глубине значков — их выдавливали палочкой недавно.

Витька присел. Волнение поднималось в груди.

Он **узнавал**. Он понимал, что это **письмо**. Пусть не своё, пусть чужое, пусть он не умеет его читать — но это **письмо**. Такое же, как иероглифы в Египте. Такое же, как буквы в его тетрадке. Такое же, как строчки в книге, что лежала у него дома.

Письмо. В глине. Значит, глина — **здесь вместо папируса**. Здесь **всё пишут на земле**. И даже — подумал Витька и улыбнулся — **дома здесь тоже как глина**. Город, как табличка. Стены, как знаки. Плотно, ровно, ряд за рядом.

Он встал и пошёл дальше.

Площадь он увидел **сразу**.

Она была не такая, как в Египте. Египетская площадь была широкая, жаркая, открытая. Эта была **тесная** и одновременно **важная**. Как будто город сам сжимался вокруг неё, чтобы что-то охранить.

А в центре охраняемого стояла **стела**.

Витька смотрел на неё долго.

Высокая. Тёмная. Из чёрного, отполированного, блестящего камня. Она поднималась над людьми на добрых три человеческих роста. Верх её был закруглён — не прямо срезан, а мягко, как у надгробия. По всей высоте камня — **сверху донизу** — шли ровные, плотные ряды знаков.

Тех же самых. Клинописных. Ровных, как колонны.

Витька подошёл. Остановился прямо перед стелой. Запрокинул голову, чтобы видеть верх.

Он не понимал ни одного знака. Но всё равно **читал** её глазами. Как читают небо. Как читают лицо человека. Просто **смотрел** — и что-то доходило.

Вот тут — в самом верху — фигурки. Два человека. Один — повыше, сидит. Второй — пониже, стоит. Первый — явно **царь**. Второй — тоже важный. Над ними — что-то похожее на солнце с лучами.

А под этим — **сотни строк**. Одна за другой. Плотно, аккуратно, без пробелов. Строки шли рядами, как зёрна в колосе.

Стела была **вся исписана**.

Витька стоял и думал: **зачем?** Зачем делать **так много** знаков? Зачем писать на камне так, чтобы **никто не прошёл мимо?**

И вдруг он понял.

Это — **закон**.

Не совет. Не пожелание. Не «хорошо бы». **Закон**.

Он стоял на площади города. На площади, где ходят люди. И прямо здесь — на камне — написано то, что **имеет силу для всех**, кто тут живёт. Каждый может прийти и **прочитать**. Никто не может **сказать: «я не знал»**. Никто не может **сказать: «мне так сказали»**.

Закон стоит **здесь**. Для всех. **Навсегда**.

Витька ещё раз поднял глаза на верх стелы. На фигурку сидящего человека. На фигурку стоящего. На солнце с лучами.

Царь получил закон **от богов**. И записал его **для людей**.

Не «придумал». **Получил. И записал. Чтобы все знали.**

Витька понял: вот это — **уже не просто письмо**. Это письмо, у которого есть **сила**.

Рядом с ним остановился старик.

Витька не сразу заметил его. Просто почувствовал, что кто-то стоит рядом и **тоже смотрит** на стелу. Как он.

Старик был в простой рубахе до колен. Длинные седые волосы, выпущенные на плечи. Борода, подстриженная ниже подбородка. Спокойный. Уставший. Взгляд **понимающий**. Не такой, как у людей, что спешат мимо. Такой, что **читает**.

Он тоже молчал.

Потом повернул голову и посмотрел на Витьку. И — **не удивился**.

Только чуть кивнул. Как будто ждал. И жестом показал — **иди сюда**. Ближе к камню.

Витька подошёл.

Старик наклонился и поднял с земли **маленькую глиняную табличку** — совсем свежую, ещё мягкую. Взял из-за пояса тонкую деревянную палочку с заострённым концом. И прямо у стелы, стоя рядом с Витькой, **стал выдавливать** в глине знаки.

Три знака. Потом пауза. Потом ещё три.

Витька смотрел внимательно.

Он не понимал, что это. Но видел: старик **выдавливает** эти знаки **для него**. Показывает.

Он выдавил ещё три. Потом ещё три. И ещё. И вот — на табличке появилась маленькая строка. Совсем короткая. Восемь-девять знаков.

Старик посмотрел на Витьку. Улыбнулся — несильно, одними глазами. И **произнёс** что-то.

Витька не знал языка. Но по интонации — понял. Старик говорил **то самое**, что начертил. Говорил **свои знаки вслух**.

Потом он снова наклонился и **рядом со знаками** — прямо в глину — нарисовал **маленькую фигурку**. А рядом — **нож**.

Витька посмотрел. Снова на знаки. Снова на фигурку. Снова на нож.

И понял.

Он знал этот закон. Он его **уже слышал** когда-то — может, в книге, может, от кого-то. Он вспомнил сами слова. Противные, страшные, и одновременно **очень правильные**.

Он сам, тихо, по-русски, повторил:

— **Око — за око. Зуб — за зуб.**

Старик посмотрел на него. И **кивнул**. Как будто понял. Хотя не мог понимать.

Витька ещё долго стоял у стелы. Старик давно ушёл. Площадь потихоньку пустела. Солнце клонилось. Тени становились длинными.

А Витька **думал**.

Он думал: **о чём этот закон?**

Сначала ему стало **страшно**. Око за око. Зуб за зуб. Значит, если тебе выбили глаз — ты иди и выбей глаз в ответ. Если тебе выбили зуб — иди и выбей. Насилие — на насилие. Зло — на зло. Так и убить друг друга можно.

Но потом он остановился. Вот прямо на этом месте — **остановился**.

Он представил **другой мир**. Мир, где **нет такого закона**.

Мир, где кто хочет — тот и бьёт. Кто **сильнее** — тот и **прав**. Кто громче — тот и прав. Кто с дубиной — тот и прав. Кто с отцом и братьями — тот и прав.

Мир, где **нельзя**ничего доказать. Где **некуда**пойти с жалобой. Где если тебя обидели — ты или терпи, или бей в ответ **сам**. И тогда тебя — **тоже**побьют. А потом — **твои**побьют **их**. И так — бесконечно. Пока один из родов не вымрет.

А **здесь**— написано. **На камне**.Для всех.

«Око — за око. Зуб — за зуб».

Это значит: **если ты ударишь — тебя накажут. Не потому, что кто-то сильнее. А потому, что так написано**.Ты не можешь сказать «я сильный, мне можно». **Нельзя**.Закон написан **для всех**. Для сильного и для слабого. Для богатого и для бедного. Для сына царя и для сына раба.

И ещё — Витька вдруг понял — это закон **ограничивает**мсть. Не больше, чем око. Не больше, чем зуб. **Ровно столько**. Не покалечить. Не убить всю семью. Не сжечь дом. **Только то же самое**.

Значит, **здесь впервые придумали**то, что раньше вообще нигде не было: **справедливость по правилу**. Не «как получится». Не «как скажет сильнейший». А **по правилу**. По **написанному**правилу. Которое знают все. Которое лежит тут, на площади, и никто не может его спрятать.

Витька стоял у стелы, и у него стучало в висках.

Он понимал, что видит **огромное**, а сказать ещё не умеет. Только чувствует: это важнее камня. Важнее пирамиды. Важнее всего, что он видел раньше.

Закон — это когда сильный не может просто ударить слабого.

Вот так. Просто. Он сам сформулировал. Тихо, себе под нос, по-русски, глядя на чёрный камень с бесконечными рядами клинышков.

И эта мысль была **его**. Не чужая. **Его**.

Солнце почти село. Клинописные знаки на стеле **погасли**— стали просто чёрными полосами на чёрном. Ещё немного — и стела превратится в чёрный столб. Витька смотрел на неё и думал: **а завтра утром взойдёт солнце — и знаки снова проявятся**. Сами. Каждый день. Четыре тысячи лет. Для всех.

Он поднял руку.

Браслет. **Десять**зелёных квадратов.

Он сказал себе:

«Десять — это закон».

И с этой мыслью свет померк.

Дома была ночь.

Витька сел на кровати. Посмотрел в окно. Там было его лето. Его река. Его деревня. Там никто никогда не выбивал друг другу зубы — не потому, что все добрые, а потому, что **так принято**. Потому что **так правильно**. Потому что **давно кто-то придумал**— и теперь это **просто есть**.

Он встал, сел за стол, взял тетрадку. Зажёг лампу.

Наверху новой страницы написал одно слово:

«Закон».

И стал писать.

Сегодня я читал закон Хаммурапи. Ну, не читал — смотрел. И один человек мне помог понять. Он выдавил знаки на глине. Я не понял слов, но понял смысл. Око за око. Зуб за зуб.

Сначала мне это показалось жестоким. Потом я понял: это не жестоко. Это — первое правило в мире.

До этого не было никакого правила. Кто сильнее — тот и прав. Кто громче — тот и прав. Закон впервые сказал: «нет. Нельзя. Даже если ты сильный. Особенно если ты сильный».

И ещё: закон написан на камне. На таком камне, который видит весь город. Каждый может прийти и прочитать. Никто не может сказать, что не знал. Никто не может его спрятать.

Это здорово придумано. Если правило написано и стоит у всех на виду — его нельзя менять, как вздумается. Его нельзя забыть. Его нельзя переписать по-своему.

Закон — это когда слабый может не бояться сильного. Хотя бы немножко. Хотя бы по правилу. Хотя бы на бумаге. Ну, на камне.

Он задумался. И дописал:

Камень — это тоже письмо. Только громче.

Он посмотрел на браслет в полутьме. Все десять квадратов горели ровно. До конца книги оставался ещё один.

Один — и всё.

Он закрыл тетрадку. Лёг. Смотрел в потолок.

Думал: «Остался ещё один. И я не знаю, что будет в нём. Наверное, что-то про то, что закон — не везде одинаковый. Или что-то про то, что у разных людей — разное. Что-то очень простое. Я не знаю какое».

Он заснул. И последнее, что он успел подумать: «Осталось — один. И это самое трудное. Потому что после одиннадцатого будет двенадцатый. А после него — тринадцатый. И я совсем не знаю, куда я иду».

Глава 15. Две реки

На этот раз всё было **не так**.

Не потому что место было другое. Не потому что люди были другие. А потому что **сразу** — с самого первого вздоха — было ясно: **здесь не одно. Здесь два.**

Витька открыл глаза и увидел **воду**.

Прямо перед ним неслась река. Широкая. Жёлтая. Быстрая. Не такая, как Нил — спокойная и важная. Эта была **живая, нетерпеливая**, будто куда-то очень спешила. Вода шла с силой, шумела, билась о берег.

А за рекой — **поле**.

Бесконечное поле. Рисовое поле, нарезанное ровными квадратами, залитое водой до краёв. В воде, по колено, стояли люди. Согнутые. С длинными палками. Работали.

Над полем стоял туман — влажный, тёплый, густой. Небо было белое. Почти без солнца. Просто **светлое** сверху.

Витька поёжился. Здесь было **не жарко и не холодно**. Здесь было **влажно**. Казалось, что если выдохнуть — пар повиснет в воздухе. Он уже не мог понять, где кончается вода и начинается воздух.

Он стоял на **глиняном берегу**. Рядом с ним, в тёплой луже, сидела **буйволица**. Спокойная. Большая. Мокрая. Она смотрела на Витьку ровно и совершенно без удивления. От неё пахло травой и молоком.

Дальше, за буйволицей, был **город**.

Даже не город. Что-то другое. Что-то, для чего Витька не сразу нашёл слово.

Длинное. Высокое. Каменное. Башни, поднимающиеся вверх ступенями. Разные. Одни — как многоярусные пирамидки. Другие — как плотные зелёные купола. Третьи — как вытянутые кольца. И всё это — **вместе**. Над рекой. В тумане.

И люди.

Витька смотрел на них и не понимал.

Одни были в ярких, тонких тканях. Красных, жёлтых, синих. Длинных. Свободно спадающих до земли. С украшениями. Другие — в простых белых накидках. Босиком. С корзинами на голове. А третьи — вообще стояли у самой воды, едва одетые, и делали что-то, чего Витька совсем не понял.

Он смотрел на них **всех сразу**. И видел: они **не одинаково**. Они **разные**.

Не по цвету кожи, не по росту. По **положению**. Как будто кто-то очень давно взял и **разложили**. По полочкам. На одних полках — богатые. На других — бедные. На третьих — ещё какие-то. И полки эти — **не двигались**. Их нельзя было переставить.

Витька стоял и смотрел.

Он не понимал, что это. Но чувствовал: **это важно**. И **это нехорошо**.

Он пошёл вдоль берега.

Никто его не останавливал. Никто не удивлялся. Здесь, у реки, все были заняты **своим**. Женщины стирали в воде. Мальчик вёл осла. Пожилой мужчина сидел на камнях и что-то делал руками — Витька подошёл ближе и увидел, что он **прядёт**. Из чего-то белого — тонкими нитками. Пальцы двигались быстро, а выражение лица было спокойное, как будто человек **уже тысячи раз** это делал.

Витька пошёл дальше.

К вечеру берег изменился. Река тут была **священной**.

Он и сам не сразу понял, что изменилось. Просто **людистали другими**. Они шли к воде медленно, как будто делали что-то очень важное. Многие **входили в воду** по грудь. Что-то говорили. Иногда — пели. Медленно. Грустно и красиво одновременно.

Кто-то спустился к самой кромке воды и **зажёг маленький огонёк** — на площадке из глины, на листе, на чём-то. Огонёк качнулся на воде и поплыл **вниз по течению**.

Витька смотрел, как маленький огонёк уходит. Мимо людей. Мимо храмов. В туман.

Он понял: река — для этих людей — **не только вода**. Не только поле. Не только урожай.

Река — это бог.

Он стоял и думал: **«Как это? Она ведь просто течёт. Как моя река. Как Нил. Как Хуанхэ. Почему здесь она — бог, а у нас — нет?»**

И не мог ответить.

Как он попал на **другую реку** — Витька не понял.

Просто в **какой-то момент** отошёл от берега. И оказался **на другом**.

Не на Инде. На **Хуанхэ**.

Он узнал её сразу, хотя не мог объяснить, откуда. Может быть, по цвету. Может быть, по тому, как здесь было **жёлто**. Не влажно-жёлто, как в Индии. А **сухо-жёлто**. Как песок. Как глина. Как пыль.

Он стоял на невысоком холме. Впереди был **город**.

Не такой, как у Инда. Не башни. Не купола. **Стены**. Длинные. Плоские. Крепкие. Высокие. Из серого камня, **без украшений**. Похожие на что-то, что не хочет быть красивым. Просто **хочет стоять**.

За стеной шли **дома**. Плотно. Ровно. Квадратами. Не дома — **ячейки**. Как будто кто-то **взял и нарезал** землю поровну.

Между домами ходили люди. Спокойные. Собранные. Все — **в одинаковых одеждах**. Не разное. **Одно и то же**. Синее, тёмное. Длинные рубахи. Мужчины — с длинными волосами, перехваченными на макушке. Женщины — с высокими причёсками.

Ничего яркого. Никаких украшений. Никаких зонтиков. Просто — **ровно и тихо**.

Витька смотрел и чувствовал: **здесь всё по-другому, чем у Инда**.

Там — тысячи красок, тысячи ступеней, тысячи людей, у каждого — своё место. Здесь — **всё ровное**. Как поле. Как стены. Как ячейки. Все — **вместе**, а не порознь.

И тут его взгляд **поднялся**.

За городом — вдали — уходила вверх **стена**.

Стена была **огромная**. Она шла по хребтам гор. Вверх, вниз, вверх, вниз. Она ползла по земле как живая. Она уходила за горизонт. Витька не видел ни её начала, ни её конца.

Он поднял руку к глазам, чтобы лучше разглядеть. Не помогло. Даже отсюда было видно: **стена длиннее, чем можно увидеть**. Она поднималась на гору и спускалась в долину. Уходила за горизонт. И там продолжалась. Он это знал.

Витька стоял долго.

Потом сказал себе, тихо:

«Это — не дом. Это — не пирамида. Это — граница. Целая граница. Не с чем-то. Со всем».

Он смотрел на неё, и в нём росло чувство, которое он не знал, как назвать. Чувство, что **это тоже — про людей вместе**. Только по-другому. Не как пирамида. Не как стела. **Ещё по-другому**.

Он сел на камень. Обхватил колени. И стал думать.

Он думал долго.

Про Инд — красный, живой, пёстрый. Про то, что там **все разные** — и это **важно**. Про священную реку. Про огоньки на воде. Про то, что человек **рождается** в одной касте и **остаётся** в ней. И никто не может перейти. Это плохо. Это несправедливо. Но — **это здесь так**.

Про Китай — ровный, тихий, спокойный. Про стену. Про ячейки. Про синие рубахи. Про то, что здесь **все как один**. И никто не выделяется. Это тоже — **здесь так**. Это тоже **важно**.

И он понял.

Он понял, что раньше думал: есть **один правильный ответ**. Как жить. Что правильно — это **справедливо**. Что все должны быть одинаковые. Как в его деревне. Как у бабушки. Но здесь — **не так**.

Здесь живут по-разному. И по-своему — правильно.

У реки, которая разливается, — одна страна. У реки, которая несёт жёлтую глину, — другая. У реки, которая священна, — третья. Вода у всех **разная**. И люди — **разные**.

Никто из них **не лучше** другого. И **не хуже**. Просто — **по-разному придумали**.

Он встал. Посмотрел ещё раз на стену. Потом — обернулся, через плечо, туда, где, он знал, остался красный берег. И подумал:

«Нет одной дороги».

И запомнил эту фразу.

Солнце садилось. Витька стоял на холме. Внизу — жёлтая река. Вдали — стена.

Он поднял руку.

Браслет. **Одиннадцать** зелёных квадратов.

Одиннадцать. Он сам не заметил, как **дошёл до конца**.

Он посмотрел на него долго. Не с радостью. Не с удивлением. Просто **посмотрел**. Как будто впервые увидел.

Он сказал вслух:

«Одиннадцать. Это — две реки».

Свет померк.

Дома была ночь.

Витька открыл глаза. Сел. Посмотрел на окно.

Там была его река.

Он встал. Сел за стол. Взял тетрадку. Зажёг лампу.

Наверху новой страницы написал:

«Две реки».

И стал писать.

Сегодня я был сразу в двух местах. У реки Инд — это Индия. И у Хуанхэ — это Китай.

Реки разные — и страны разные. Об этом и напишу.

Инд. Всё яркое. Тонкие ткани. Украшения. Люди разного цвета, разной высоты, разной работы. И всё это — не просто рядом. Это в порядке. Сверху вниз. Как ступеньки. И ступеньки эти — не двигаются. Кто где родился, там и живёт. Всю жизнь. Я не уверен, что это честно. Но это устроено так.

Хуанхэ. Всё ровное. Одинаковые рубахи. Одинаковые дома. Никто не выделяется. Никто не главный. Все — вместе. И стена. Огромная стена, которая идёт по горам и не кончается. Она защищает всех. От всех. Целая граница, а не место.

Я думал: какая страна правильнее? У Инда или у Хуанхэ? И не смог ответить.

Потому что правильнее — это не одно. У каждой реки — свой ответ. У каждого — своё. Нельзя сказать «индийцы лучшие», потому что у них всё живое и яркое. И нельзя сказать «китайцы лучшие», потому что у них всё ровно и общее. Оба ответа — разные. И оба — настоящие.

Значит, нет одной правильной дороги. Есть много.

И ещё: и Инд, и Хуанхэ — это опять река. Опять вода. Опять — без воды нет ничего. Все цивилизации — у воды. Но вода разная. И получается разное.

Он подумал. И приписал ещё одну строчку:

Египет — река, которая разливается. Междуречье — реки, между которыми земля. Индия — река, которая священна. Китай — река, которая несёт глину. И все — живые. Разные.

Потом посмотрел на браслет.

Одиннадцать.

Ровно столько, сколько должно было стать в конце книги.

Он сидел и смотрел на них долго.

Потом **выключил лампу.**

И в тёмной комнате, ещё минуту, было видно, как **одиннадцать маленьких зелёных огоньков** медленно гаснут. Один за другим. Не все сразу. По одному. Как будто прощаются.

Где-то далеко, на реке, кричала ночная птица.

Витька лёг. Заснул быстро.

Завтра надо будет **рассказать друзьям.**

Глава 16. Одиннадцать

— Ты опять.

Витька поднял голову и увидел Ленку. Она стояла у калитки, руки в боки, смотрела на него как на что-то знакомое, но надоевшее.

— Что «опять»?

— Опять сидишь и смотришь в никуда.

Он и правда сидел на лавочке у дома. Уже полчаса. Может, час. На коленях лежала тетрадка — та самая, с записями. Он её даже не открывал. Просто держал.

— Я думаю, — сказал он.

— Знаю я, как ты думаешь, — фыркнула Ленка. — Ходишь потом как варёный. Бабушка жалуется, что ты её не слышишь.

— Слышу.

— Не слышишь. Она звала тебя два раза ужинать.

Витька посмотрел в сторону дома. В окне кухни горел тёплый свет. И правда — звала.

— Ладно, — сказал он. — Сейчас пойду.

— Никуда ты не пойдёшь, — Ленка села рядом с ним на лавочку. — Ты мне сначала расскажешь.

— Что расскажу?

— Вот это всё. — Она ткнула пальцем в тетрадку. — Ты с ней ходишь, как с собакой. Куда-то пропадаешь. Потом возвращаешься. Потом сидишь, смотришь в небо. Я же вижу.

Витька молчал.

Он действительно **не рассказывал**. Всё это лето. Все эти шесть раз. Все эти места — река, стройка, школа, площадь, две реки. Он держал это **внутри**. Записывал — для себя. Никому не говорил.

Потому что не знал, **как**.

— Ну? — Ленка толкнула его плечом. — Я жду.

Он вздохнул.

— Только это долго.

— Я никуда не спешу.

— И странно.

— Тем интереснее.

— И ты **не поверишь**.

— Это мы ещё посмотрим, — сказала Ленка. И приготовилась слушать.

Она умела **таксидеть**. Спокойно. Не торопила. Смотрела внимательно, ровно, как будто включила внутри себя тишину. Ей можно было рассказать всё.

Витька открыл тетрадку.

Он начал с Египта.

С пустыни. С маленькой зелёной полосы на горизонте. С реки. С того, что вокруг — песок, а жизнь — только у воды.

Ленка слушала молча. Наклонила голову. Не перебивала.

Потом он рассказал про стройку. Про то, как сам **тянул канат**. Как рядом пыхтел египетский мальчик. Как камень пошёл. И как он понял, стоя наверху, что **река кормит стройку, а стройка делает страну**.

Потом — про писцов. Про палочку, папирус, чёрную и красную краску. Про то, как его «А» получилась кривая. Как он засмеялся. Как мальчик-ученик рядом показал ему знак. Как он понял, что **письмо — это власть**.

Ленка на этом месте оживилась.

— Ну наконец, — сказала она. — Хотя что-то **нормальное**. Ты хоть понимаешь, что ты сейчас описал? Это же... — она пощёлкала пальцами в воздухе, подыскивая слово, — **книга**. Любая книга. Египтяне придумали, чтобы кто-то **читал тебя через тысячу лет**. А ты смог **письмо понять**. Это же **главное**.

— Потому я и записал.

— Умный. — Она на секунду задумалась. — Покажи, как ты свою «А» написал?

— Не покажу. Я её не сохранил.

— Жалко. Я бы посмеялась.

— Спасибо.

— Не за что.

Он продолжал.

Про глину. Про стелу. Про старика, который **выдавил знаки**, ничего не объясняя. Про «око за око». Про то, как он сначала испугался, а потом понял: **это не жестоко**.

Ленка слушала внимательно.

— Знаешь, что тут важно? — сказала она. — Ты сказал: закон написан **на камне**. И каждый может прочесть. Это не «царь сказал». Это «написано». Значит, если царь **самнарушит** — он **сами** виноват. Потому что **все**знают, что там написано.

Витька посмотрел на неё.

Он **этого не думал**.

А она думала.

— Да, — сказал он тихо. — Ты права.

— Я всегда права.

— Нет.

— Почти всегда.

— Почти — да.

И он рассказал про две реки.

Про красный берег. Про священную воду. Про огоньки на площадках. Про людей, которые смотрели в реку как в бога. Про то, что у них все **разные** — и это не меняется.

Потом — про жёлтую реку. Про ровные дома. Про одинаковые синие рубахи. Про стену, которая уходит за горизонт.

— И что ты понял? — спросила Ленка.

— Что нет одной дороги, — сказал он. — И что **все — по-своему правильно**.

Ленка молчала долго.

— Это ты, — сказала она наконец, — **неправильно сказал**.

Витька удивился.

— Почему?

— Потому что **это не «правильно»**. Это просто «так устроено». У них там не «правильно». У них **иначе**. Разные реки — разные страны. Это **факт**, а не «мнение». Можно сказать: «в Индии — так, в Китае — иначе». А **нельзя** сказать: «и в Индии, и в Китае — по-своему правильно». Так нельзя. Потому что **не всё правильно**. Что-то — да. Что-то — нет.

— Что **неправильно**?

— Ну, ты сам сказал: у них там **касты**. Это — **не правильно**. Просто так исторически **получилось**. Ты не должен говорить «молодцы, что придумали». Ты должен сказать: «так было». И **не путать** «было» с «правильно». Понял?

Витька растерялся.

Он не думал об этом **так**. Он думал, что понял **самое главное**. А оказалось — понял **половину**. Вторую половину — Ленка.

— Да, — сказал он медленно. — Понял.

— Вот.

Она встала.

— Пойдём. Петька уже, наверное, пришёл.

Петька действительно пришёл.

Он сидел на заборе — любимое его место — и грыз яблоко. Второе, судя по огрызку, лежавшему рядом.

— О, — сказал он, увидев их. — Явились. Я вас тут битый час жду. Яблоки уже все съел.

— Сколько? — спросил Витька.

— Три.

— Три? С одной яблони?

— С двух, — Петька пожал плечами. — Ты, во-первых, куда-то ушёл. А во-вторых, яблоки **спелые**. Ты обязан был предупредить.

— Я не знал, что ты придёшь.

— Я всегда прихожу. Я же тебе друг.

—

Они уселись на лавочке втроём: Витька, Ленка, Петька.

Вечер был тёплый. Небо уже начинало темнеть. Над лесом, за полем, тянулась длинная оранжевая полоса — последний свет.

Витька открыл тетрадку. И **начал сначала**.

Он рассказывал долго. Про Египет. Про пустыню. Про разлив. Про камень. Про школу писцов. Про глину. Про стелу. Про две реки.

Петька сначала слушал, как всегда — расслабленно, чуть улыбаясь. Потом стал слушать **внимательнее**. Потом даже перестал грызть яблоко.

— Тогда на стройке, — перебил он, когда Витька дошёл до пирамиды, — ты **сам** тянул?

— Сам.

— **Один?**

— Вместе со всеми. В ряду.

— Сколько вас было?

— Много. Сотни. Может, тысячи.

— И камень пошёл?

— Пошёл.

Петька присвистнул.

— Это **круто**, — сказал он. И это было **очень** искренне. У Петьки вообще-то не бывало по-другому. Если он говорил «круто» — значит, круто. — Ты, значит, настоящий работяга. Хотя... — он оглядел Витьку, — у тебя руки не такие, как у работяги.

— У меня руки как у всех.

— У всех, кто в тетрадке пишет, — фыркнул Петька.

— Дай руку.

Петька протянул. Витька посмотрел на его ладони. Он был деревенский. Ладони — в мозолях. У Витьки тоже были — но другие. Не от лопаты. От ручки. От страниц тетрадки.

— Ну, — признал Петька, — разные. Но всё равно. Ты **камень** тянул. Это уже не отнять.

Он откинулся на спинку лавочки. И задумчиво сказал:

— А пирамида — **круто**. Вот это я понимаю. **Сто штук таких камней положить друг на друга — и вот тебе чудо**. Мне бы такое построить.

— Тебе — холодильник бы собрать, — сказала Ленка.

— Это тоже чудо.

— Нет.

— Чудо.

— Ты его один раз собрал и три года не трогал.

— Зато как собрал!

— Скрипит.

— Так и надо. Он **говорит** со мной.

Ленка засмеялась. Витька тоже.

Это было **хорошо**. Сидеть тут, втроём. Тепло. Тихо. Никто никуда не спешит. Яблоки в траве. Ночь подходит медленно.

Он **вернулся**. Правда вернулся.

— А почему ты всё время про реки? — спросила Ленка вдруг. — Ты про пирамиду рассказал. Про закон. Про камень. А между этим — всё время река. Река. Река. Река.

Витька задумался.

Потом сказал просто:

— Потому что **без воды нет городов**.

— Как это?

— Ну смотри. Люди всегда селятся у воды. Не в пустом поле. Не в лесу. У воды. Потому что пить надо. Потому что стирать надо. Потому что поливать надо. Потому что мыться надо. Потому что рыба есть. Потому что по реке можно уплыть. Потому что по реке можно **приплыть** — и привезти что-то.

Он помолчал.

— И где **нет** воды — там **ничего** нет. В Египте вокруг реки — пустыня. Совсем ничего. Мёртвый песок. А у реки — города. Поля. Хлеб. Люди.

— То есть **вся история** — это история рек?

— Не только рек, — сказал Витька. — Но **начало** — реки. Всегда. Потому что без воды человек не живёт. И развивается он там, где вода. Где тепло. Где хлеб.

Ленка кивнула.

— Вот это, — сказала она, — **хорошо**. Вот это ты **правильно** понял.

— Спасибо, — улыбнулся Витька.

— В первый раз.

— Спасибо, — повторил он, и все засмеялись.

Петька потянулся.

— Слушай, а **мне** вот что интересно, — сказал он. — Ты сейчас там **всё время** был. В Египте. В Междуречье. Я так понял — **ты был не с нами**. А с кем?

Витька задумался.

— С ... — он подыскивал слово. — С **разными**.

— С кем именно?

— С египетским мальчиком. Он мне камень тащить помог. С китайским мальчиком. С индийской девочкой. С одним стариком. Со стариком в Междуречье.

— С нами — не с кем?

Витька посмотрел на Петьку. Потом — на Ленку.

— Сейчас — с вами.

— Это **не в счёт**, — отрезал Петька. — Это не «сквозь время». Это **дома**. А там — ты **один**.

— Уже не один.

— Ну, почти.

Витька промолчал.

Он понимал, что Петька **прав**. И это было хорошо. Значит, Петька **следил за ним**. Значит, Петька **понимал**. Значит, Петька был **настоящим другом**. Хотя внешне — грыз яблоки и хихикал.

Он посмотрел на Петьку, потом на Ленку.

И сказал:

— Вы оба правы. По-своему.

— Ну вот опять! — фыркнула Ленка. — «По-своему»! Я тебе уже говорила про это.

— Это **другое** «по-своему», — сказал Витька. — Это не про «правильно-неправильно». Это про то, что **вы правы в разном**.

— Ладно, — согласилась Ленка. — Это можно.

Стало совсем темно.

Где-то в темноте шумели деревья. Луна поднялась над лесом. За рекой кричала ночная птица.

Витька посмотрел на браслет.

Одиннадцать квадратов. Все светились. Мягко, привычно. Как свет в окне дома.

Петька увидел, куда он смотрит.

— Красивый, — сказал он просто. — Браслет.

— Он не просто красивый.

— Я понял, — Петька кивнул. — Это твой **счётчик**. Сколько ты где был.

— Да.

— Одиннадцать?

— Одиннадцать.

— Это **много**, — Петька уважительно присвистнул. — Много мест. Много людей. Много всего.

— Много.

— А **дальше**?

— Не знаю.

— Как «не знаю»? Ты **не знаешь**, куда **ещё** пойдёшь?

— Пока не знаю. — Витька смотрел на браслет. — Может, завтра узнаю.

— Может, **сегодня**, — сказала Ленка.

Витька поднял на неё глаза.

— Почему сегодня?

— Потому что ты **сидишь** вот здесь, **с нами**, и **ничего** не происходит. — Она обвела рукой вокруг. — А у тебя одиннадцать квадратов. И ты **не знаешь**, что дальше. Значит, **должно что-то случиться**. Скоро. По-настоящему.

Витька хотел возразить — но **не смог**.

Потому что она **была права**. Что-то должно было случиться. Он **чувствовал** это с самого конца главы 14. Он дошёл до одиннадцатой отметки и **не знал**, что после. И это незнание было **не пустым**. Оно было **живым**. Как будто за дверью — кто-то есть.

Он посмотрел на браслет ещё раз.

Одиннадцать квадратов.

И вдруг — **двенадцатый** — появился.

Не сразу. Не как свет. Как **набухание**. Как будто на пустом месте, где ничего не было, **глина собралась** в маленький комочек. Медленно. Изнутри. Как будто **он был всегда**, просто **не виден**.

Двенадцатый квадрат не светился. Он был **тёмный**. Или почти тёмный. Или — самый-самый слабый, еле заметный зелёный. Как будто свет **ещё не прошёл** через него.

Витька замер.

— Что? — сказал Петька.

— Он появился, — сказал Витька.

— Кто?

— Двенадцатый.

Ленка и Петька уставились на браслет.

— Я ничего не вижу, — сказал Петька. — Одиннадцать.

— Двенадцатый.

— Тёмный какой-то.

— Да. Тёмный.

— Это что значит?

Витька долго молчал. Потом сказал тихо:

— Значит, **следующее** — уже началось.

Он поднялся с лавочки.

Ночь была вокруг. Тёплая. Летняя. Полная звёзд.

Он смотрел на браслет, на двенадцатый — тёмный, не проснувшийся квадрат. И чувствовал, что-то **не здесь**. Там, где-то. Ещё не открытое. Ещё не понятое.

— Мне надо домой, — сказал он.

— Сейчас? — удивилась Ленка.

— Да.

— Но ты же только что сидел.

— Я хочу **записать**.

— Что записать?

— Двенадцатый. — Он посмотрел на браслет. — Пока я точно не знаю.

Ленка и Петька переглянулись.

— Ладно, — сказала Ленка. — Иди.

— Но завтра — приходи, — сказал Петька. — Расскажешь.

— Приду.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— Дай руку.

Витька протянул.

Петька крепко пожал её.

— Настоящий работага, — сказал он. — Ты мне это. — Он стукнул себя по груди. — Вот тут. Понял?

— Понял.

Ленка просто кивнула.

Витька пошёл.

Дома он зажёл лампу. Сел за стол. Открыл тетрадку.

Последняя страница была **заполнена**. Снизу он нашёл ещё одну свободную и написал на ней:

«Двенадцать».

И поставил рядом вопросительный знак.

«Двенадцать — это ...?»

Он смотрел на эту строчку долго.

Потом добавил:

Сегодня я рассказал Ленке и Петьке.

Ленка сказала — надо не путать «так было» и «так правильно». Понял.

Петька сказал — пирамида круто. Тоже понял. Он п

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.